

Исследование различной природы незаконных транзакций в Украине¹

*Если я что-то получаю, это подарок,
а если вымогаю — то это взятка.*

Аннотация

Высказывая сомнения относительно содержания большинства материалов, где коррупция рассматривается как зло, которое в Украине необходимо искоренить, автор этой статьи предлагает проанализировать и разобрать случаи мелкой коррупции, которая скорее помогает людям выжить, чем обогатиться, — в рамках теории обмена подарками, предложенной Марселем Моссом (Marcel Mauss).

Основное внимание в статье сосредоточено на наиболее “коррумпированных” местах в Украине: высшее учебное заведение, больница, пост дорожно-патрульной службы, что имеет целью подробный анализ того, что лежит в основе этих сделок. Помимо этого, рассматриваются роли, которые играют действующие лица этих механизмов, что позволяет распознать так называемую переходную зону между разными видами коррупции, — как это видно из примеров, рассмотренных по ходу статьи.

Ключевые слова: *взятка, коррупция, подарок, экономическая сделка, больница, милиция, Украина, высшее учебное заведение*

¹ Первый вариант этой статьи был опубликован под названием “Если я что-то получаю, это подарок, а если вымогаю, то это взятка” о местном значении экономических транзакций в постсоветской Украине; журнал “Антропология в действии” (If I receive it, it is a gift; if demand it, then it is a bribe // Anthropology in Action. — 2008. — № 5 (3). — P. 47–60). Автор выражает благодарность Александру Пригарину за помощь и обсуждение этой темы во время полевых исследований в Одессе, Виктору Степаненко за консультации и помощь в опубликовании сегодняшнего варианта, а также издательству “Bergham Books”, что дало возможность опубликовать результаты исследования. Финансовая поддержка осуществлялась Фондом Марии Кюри (Marie Curie Fellowship. Ref: 219691).

В последние годы и ученые постсоветского переходного периода, и политические аналитики проявляют довольно большой интерес к коррупции¹ в Украине и масштабам ее распространения. Коррупция не только возрастает количественно (согласно данным некоторых отчетов), но и распространяется на чрезвычайно разные области жизни. Согласно исследованию, которое недавно провела организация “Transparency International”, Украина является наиболее коррумпированной среди стран СНГ². В последнее время употребление термина “политическая коррупция” в какой-то мере сместило акцент на борьбу с коррупцией на политическом уровне³, хотя всем известно о взятках в других сферах жизни людей, в частности в области образования и здравоохранения⁴. Что меньше известно, но так же важно, — тот факт, что большинство материалов, касающихся коррупции, сосредоточиваются исключительно на количественном аспекте этого явления, не принимая во внимание его качество. Имеет ли “знак внимания”, оказываемый университетскому преподавателю, такое же отношение к делу непрекращающейся борьбы против коррупции, как и “подарок” от бизнесмена политику? Игнорирование подобных различий привело к тому, что и западные аналитики, и вслед за ними украинские определяют коррупцию в Украине как эндемическую, абсолютно не принимая во внимание те локальные факторы, которые, возможно, помогли бы по-другому интерпретировать результаты этих исследований. Данная ситуация напоминает положение вещей в России, описанное Хемфри как “поток анализов коррупции в западной прессе, который часто отражается и в российской, но не соответствует ни тому, что так или иначе происходит на практике, ни рассказам самих людей” [Humphrey, 2002: p. 128]. Иными словами, я предполагаю, что обобщения в интерпретации коррупции в украинском обществе имеют весьма поверхностный характер. Чтобы глубже изучить культурную специфику коррупции в данном случае, нам нужно не терять из поля зрения картину социально-экономических структур, лежащих в основе украинского общества, и сформулировать определение взятки и подарка. Это позволяет также понять характер локального восприятия подобных явлений и прольет свет на результаты вышеупомянутых исследований.

Цель этой статьи — поставить под сомнение традиционное употребление слов “взятка” и “коррупция”, обычно используемых для описания происходящего в сегодняшней Украине. Вполне возможно классифицировать ряд практик как “коррупционные”. Вместе с тем не менее важно отличать действия, которые могут нанести урон государству, от тех, которые помогают людям выжить в условиях отсутствия государства.

¹ См., в частности: Corruption, Democracy, and Investment in Ukraine by the Atlantic Council of the United States (October 2007); Corruption Assessment: Ukraine, Report by USAID (10 February 2006).

² См.: The Kyiv Post, Global corruption survey: Ukraine has highest level of corruption among Newly Independent States. — (<http://www.kyivpost.com/news/nation/detail/42729>).

³ Політична корупція в Україні: суб'єкти, прояви, проблеми, протидії. Центр Разумкова, 27.11.2009.

⁴ Недавнее исследование Киевского Международного института социологии, посвященное, в частности, коррупции в системе высшего образования (<http://www.kiis.com.ua/txt/doc/08122009/pr.doc>).

С этой целью статья смещает весьма размытую грань между подарком и взяткой, чтобы представить переходную зону между этими двумя явлениями. Это поможет глубже постичь украинские социально-экономические реалии. Главным аргументом здесь является то, что нравственные нормы и ценности некоторых недавно образовавшихся государств, в частности постсоветских, часто предполагают заимствованные из западных моральных и правовых норм интерпретации таких явлений, как подарок и коррупция, но не учитывают местных особенностей. Антропологи, занимающиеся исследованиями в этой области, часто предупреждают о существовании локального — и своеобразного — восприятия такого рода экономических трансакций, лежащих в основании постсоветских экономик. Например, Вернер [Werner, 2003: p. 203], говоря о Казахстане, замечает, что антикоррупционные меры там должны учитывать местные представления о моральных принципах. Тем не менее заимствование широкого понимания коррупции часто приводит к тому, что множество трансакций попадают в категорию взятки. К примеру, Танзи [Tanzi, 2001] даже отрицает определение подарка М.Мауса [Mauss], утверждая, что взятка подразумевает обоюдность, а подарок — нет. Это подтверждает гипотезу Темпла и Петрова [Temple, Petrov, 2004] о том, что рутинная практика “ты мне, я тебе” при коммунистическом режиме часто превращалась в институционализированную, широко распространенную коррупцию. Но прежде чем принять такие выводы, стоит прислушаться к Вернеру [Werner, 2003: p. 181] и для начала сравнить понимание коррупции в той или иной местности с определениями влиятельных международных организаций. А поскольку экономические и социальные стандарты разнятся на Востоке и на Западе, необходимо выработать новые определения для некоторых видов экономического обмена с учетом украинского контекста.

В обществе, основанном преимущественно на неформальной экономике и родственных связях, где государство не в состоянии обеспечить даже базовые нужды граждан, теневая экономическая сделка, как бы мы ее ни называли — обменом подарками или коррупцией, — довольно часто компенсирует несостоятельность государства. В этом смысле я утверждаю, что обмен — будь то подарок или взятка — лежит в основе украинского общества. По мнению Срубара [Srubar, 1981], советская экономика не могла функционировать без этих сделок. Соответственно, наследие советского прошлого наводит на мысль о том, что истоки данного явления следует искать в истории страны [Степаненко, 2006]. Соглашаясь с этим, я все же думаю, что дихотомия “подарок — взятка”, которая стоит почти за всеми сделками в постсоветской Украине, зачастую не принималась во внимание. Используя данные, собранные мною в ходе включенного наблюдения в Одессе и ее окрестностях (в 2003–2006 годах), я хотел бы выдвинуть в этой статье предположение, что резкое различие между подарком и взяткой, которое в большинстве случаев проводится почти автоматически, требует нового определения для того, чтобы отметить его контекстуальную значимость. А конечная цель данной статьи — показать, что некоторые схемы коррупции можно интерпретировать как “**brift**” — нечто среднее между обменом подарками и взяткой (*bribe & gift*). Это и есть основной вид трансакции для выживания в современном украинском обществе.

Изучение экономического взаимодействия на постсоветском пространстве: теоретические основания

Социальное значение “обмена” в постсоветских обществах уже изучено, хотя в основном эти работы касаются России (см., в частности, книгу К.Хемфри [Humphrey, 2002]). Разные исследователи описывали это явление по-разному: Хемфри [Humphrey, 2002] — как формы взятки; Патиго [Patico, 2002] — как “знак внимания”; Лонкила [Lonkila, 1987] и Леденева [Ledeneva, 1998] — как налаживание знакомств. Сходные черты между российским и украинским обществами позволяют распространить полученные выводы на обе страны. С этой целью далее необходимо определить объект данного исследования. Я интересуюсь трансакциями “в виде подарков”, к которым люди “прибегают” в отсутствие необходимой сети знакомств [Хемфри, 2002: с. 129]. Скорее всего, случившись однажды, это не станет началом социальных взаимоотношений. Поэтому данные трансакции можно классифицировать как коррупцию. В отличие от Ривкина-Фиша [Rivkin-Fish, 1997] (цит. по: [Patico, 2002: р. 352]), я не считаю, что порядок совершения обмена столь уж важен, поскольку, судя по результатам *case studies*, это не влияет на саму суть сделки. Наконец, в отличие от Патиго [Patico, 2002], мы не должны придавать трансакции тот или иной смысл в зависимости от того, включает она подношения в виде денег или же нет.

Ранее Перри [Parry, 1991] и Томас [Thomas, 1989] показали, что субъективный характер вещей и денег — значение которых четко определяется местной культурой, политическим укладом и контекстом — складывается таким образом, что, как отмечает Патиго, рассуждая о шоколаде и коньяке [Patico, 2002], определенные вещи приобретают особое значение, когда их предлагают в качестве “знаков внимания”. Однако одного этого аргумента недостаточно, чтобы охватить все случаи в Украине, где деньги и вещи часто взаимозаменяемы. Я могу высказать предположение, что главное — изменение исторических условий, хотя тенденция предлагать шоколад и коньяк (или бренди) все еще существует, при постоянном росте предложения предметов роскоши, хотя и сомнительного качества (см.: [Патиго, 2003]), деньги приобретают все большее значение для среднего украинца. Деньги сходным образом управляют финансовыми нуждами любых людей и, возможно, ответственны за “вестернизацию” украинцев: некоторые респонденты говорили, что опасались предлагать “классический” подарок, поскольку более широкий выбор товаров порождает и более широкие запросы, которые “стандартный” подарок уже не удовлетворяет.

К.Воннер [Wagner, 2005], учитывая особенности структур социально-экономической жизни в Украине, предложила переключиться с объективной морали на субъективную, чтоб оправдать — хотя и не в полной мере и только при определенных условиях — такие действия, как дача взятки или нарушение обязательств, то, что в западной культуре стигматизируется. Она утверждает, что в Украине люди могли бы “подписаться под разными моральными принципами” [Wagner, 2005: р. 14], продиктованными нуждами *ad hoc*. В связи с этим я хотел бы предложить понятие контекстуальной морали, которое могло бы облегчить понимание представлений местных жителей о некоторых трансакциях, считающихся предосудительными с точки зрения западной морали — часто преподносимой как объективная,

хотя при этом забывают, что участие в упомянутых транзакциях в условиях Украины зачастую является не делом выбора, а необходимостью.

Похоже, с 1991 года мало что изменилось, когда И.Срубар высказал мнение о том, что переключение внимания на потребление — и последующее создание социальных сетей перераспределения товаров — выполняло определенные функции в советской экономике; оно компенсировало ее неэффективность и снижало вероятность политической активности среди индивидов, занятых в подобных транзакциях. Это ослабляло политические позиции таких людей, поскольку их можно было шантажировать тем, что они участвуют в операциях, заклеянных позором в общественном дискурсе. И в 2006 году украинское правительство все еще позволяет (разумеется, неофициально) взяточничество и контрабанду, поскольку это снимает претензии по поводу низких зарплат и все возрастающей стоимости жизни. В моих исследованиях, касающихся *электрички* Одесса–Кишинев [Polese, 2006a], я высказал сомнения по поводу “единодушной”, поддерживаемой политологами и экономистами идеи о том, что “взяточничество” пагубно для экономики и для общества в целом (как отмечала У.Вернер [Werner, 2003: р. 204]. В противовес этому я хочу показать, что не все действия, которые в соответствии с [западной] моралью и законодательством страны попадают в категорию незаконных, на самом деле противоречат интересам этой самой страны и что ряд транзакций, осуществляющихся “под столом”, могут быть даже полезными если не для экономики, то хотя бы для общества. В результате либо следует дать другое определение взяточничеству, либо согласиться, что взяточничество нельзя автоматически ассоциировать с коррупцией.

Подарок и взятка: универсальные концепты?

Поскольку граница между подарком и взяткой становится все более зыбкой, важно объяснить, как я собираюсь использовать эти слова в качестве терминов. Начиная с определения подарка как в целом социального факта, сформулированного Марселем Моссом [Mauss, 1924], подарок понимается как фундаментальная структура отношений между людьми в обществе, и он всегда несет в себе частицу того, кто дарит. Это определение подразумевает в какой-то мере личностный характер подарка, означающий, что данный обмен мог состояться только между двумя заинтересованными индивидами. Кроме того, как разъясняет Мосс, это включает три основных обязательства: обязательство дать, получить и отблагодарить, с тем чтобы в итоге обеспечить коммуникацию и построить социальные взаимоотношения между индивидами. Недавние исследования показали, что оплата не обязательно должна получать материальное выражение, например, когда дающий извлекает выгоду из самого этого акта [Perry, 1986] или когда получатель воспринимается как гость дарителя [Polese, 2006b]. Мосс утверждал, что такая форма организации свойственна архаическим обществам, где идея государства — как распоряжающегося благами — отсутствует. Несостоятельное государство, подобное Украине, не может выполнять функции распорядителя благ даже в крупных городах, отсюда те же характерные черты, что и описанные в архаических обществах. Следовательно, я подтверждаю, что предложенный Моссом анализ обмена подарками применим к украинским реалиям.

В большинстве государственных секторов украинской экономики государство не в состоянии играть роль распределителя благ. Либерализация некоторых секторов не сопровождалась созданием *super partes* контролирующих органов, а динамика экономической жизни — и цен — не сопровождается соответствующим ростом заработной платы, по крайней мере для государственных секторов, где работники изо дня в день ощущают снижение своей покупательной способности. К примеру, в январе 2003 года средняя зарплата в секторе образования составляла 349,43 грн, в здравоохранении — 293,41 (при курсе евро в январе 2003 года 5,60 грн), в то время как в финансовом секторе она составляла 1147,54 грн. В январе 2006 года соответствующие показатели в бюджетной сфере составляли 684,96 и 560,96 грн (тогда как один евро в январе 2006 года равнялся 6,40 грн), что как будто свидетельствует о росте. Но следует отметить, что эти величины указаны без вычета налогов, и даже в этом случае чрезвычайно низки по сравнению со средним доходом финансистов 1727,64 грн. Кроме того, они несопоставимы с ростом цен на товары и услуги. В 2010 году тот же показатель составлял 1583 грн в секторе образования (но это опять же крайне мало по сравнению с финансовым сектором, где средняя заработная плата составляет 4179 грн, да и по сравнению с такими секторами, как коммунальные услуги или транспорт, где эта величина превышает 2000 грн)¹. В результате несколько категорий работников — учителя, врачи, сотрудники милиции, а также пенсионеры — оказываются не в состоянии прожить на те средства, которые им выделяет государство, и вынуждены каким-то образом компенсировать нехватку денег. Я уже как-то упоминал, что требование “дополнительных платежей” в высших учебных заведениях происходит из-за ограниченных средств, выделяемых профессорско-преподавательскому составу, так что университеты *de facto* становятся частными [Polese, 2006c]. Выводы этого анализа можно распространить и на другие секторы общественной жизни. Это происходит по той причине, что в украинском обществе по-прежнему не утратили силы семейственность, кумовство и социально-экономические сети, позволяющие индивиду получить доступ к ряду благ — бесплатной медицинской помощи, образованию, оформлению документов, социальной помощи, которых он не может получить просто в рамках отношений между гражданином и государством.

В рамках данного анализа важны такие элементы подарка, как моральные и социальные обязательства, а также обуюдность и (относительная) спонтанность. Теоретически это означает, что даже тогда, когда с подарка начинается ряд взаимных обменов, первоначальное действие нацелено скорее на то, чтобы нечто дать, а не получить в ответ. Это раскрывает “тайну подарка”, как ее понимал Герард [Gerard, 1998: p. 72]. Анализ подарка позволяет понять его социальный смысл, но не отвечает на вопрос: почему один человек вдруг решает предложить подарок другому?

Существуют разные определения коррупции. Я же в данной статье использую дефиницию Палмера [Palmer, 1983], который трактует коррупцию как “использование общественных функций в личных целях”. Следует отметить, что значение слова “злоупотребление” также варьирует в зависимости от местных правовых и культурных стандартов [Tanzi, 1998: p. 8–10]. Осознание этого факта помогает понять, какое значение придается общест-

¹ Данные Госкомстата Украины (<http://www.ukrstat.gov.ua>).

венным функциям в странах, подобных Украине. Человек выполняет ту или иную общественную функцию, когда служит своей стране. Это должно происходить по контракту: работник предлагает свой труд — государство за это обеспечивает его материальные потребности. Что же происходит, если государство не в состоянии обеспечить потребности человека? В Украине многие общественные функции оплачиваются крайне низко, да и выплата зарплата может задерживаться по несколько месяцев. Чем это может обернуться для контракта между гражданином и государством?

Использование общественных функций в личных целях означает достижение благосостояния индивидом в ущерб государству. Если учесть контекст подобных случаев, так ли уж важна такая интерпретация, коль скоро государство так или иначе уже причинило вред индивиду? В случае *электрички*¹ [Polese, 2006a] именно государство тормозит экономическое развитие страны, позволяя монополии протекционистов, управляемой местными олигархами, наносить ущерб благосостоянию своих граждан. Следовательно, можно ли говорить о коррупции и причинении вреда государству, если контрабанда существует (и, возможно, будет еще долго существовать), компенсируя несостоятельность государства, которое не обеспечивает благосостояние своих граждан?

Переключение моральных стандартов

Когда государство пренебрегает своими обязанностями, возникает широкий спектр “приемлемых реакций” государственных служащих. Иной раз можно согласиться, что “работник” не чувствует никаких обязательств по отношению к государству и отказывается работать, но он должен, по крайней мере, не причинять вреда своим согражданам. Например, если врач выдвигает денежное вознаграждение в качестве *conditio sine qua non* для помощи пациенту или же госслужащий требует деньги, чтобы обеспечить кого-либо работой в своем департаменте, им следует хорошо подумать о последствиях своих действий. Так, в случае государственного служащего прием на работу некомпетентного специалиста может нанести серьезный урон гражданам со стороны государства.

Подарок и коррупция — не самоцель, они зависят от обстоятельств, и одно и то же определение нельзя применять по отношению ко всем случаям, не учитывая особенностей конкретного общества. К примеру, предложение коробки конфет преподавателю истолковывается совершенно по-разному в Одессе и в Лондоне. Принимая во внимание обстоятельства, при которых совершается обмен, Г.Харрисон [Harrison, 1999] отмечает, что в африканских обществах денежный обмен может служить точным современным эк-

¹ В статье предполагается, что теневая экономика возникла как ответ со стороны местных торговцев на засилие монополии, ее альянс с властью, что приводит к низкому качеству и дефициту товаров, высоким ценам и отсутствию рабочих мест. В результате электричка, курсирующая между Одессой и Кишиневом, выполняет функцию создания независимой — и неконтролируемой — экономической системы, выгодной всем акторам. Торговцы могут переправлять (контрабандным путем) товары и одежду в Молдову и Приднестровье, сотрудники таможни пополняют свои доходы, а рядовые граждане могут приобрести товары, которых не смогли бы купить на рынке (или же эти вещи стоили бы гораздо дороже).

вивалентом обмена подарками. В этом смысле коррупцию в Африке некоторые ученые-обществоведы всегда считали воплощением культуры традиционного преподнесения подарков чиновникам. Это предполагается логикой семейной, деревенской и племенной лояльности.

Переход от объективных — государственных — моральных стандартов к субъективным [Wanner, 2005], происходящий в постсоветской Украине, требует рассмотрения всех особенностей данного общества, прежде чем анализировать само явление. Это соответствует антропологическому методу, по мнению Гирца [Geertz, 1973], поскольку он считает контекстуализацию феномена сущностью этнографического исследования. Стоит упомянуть, что говорили по этому поводу Й.Расанаягам [Rasanayagam, 2003] и П.Фогарти [Fogarty, 2005]. Первый из них отмечает разрыв между местной моралью и моральными стандартами, применяемыми международными институтами по отношению к Узбекистану, где некоторые интервьюируемые полагали, что “небольшая коррупция” никому не повредит. Вторая показала, как в молдавском обществе ярлык “коррупция” оказывает (хотя и небольшое) моральное воздействие на местных жителей, считающих, что “все это делают и думают, что это плохо”. Если “коррупция” укоренена в обществе и в определенной степени социально приемлема, правильно ли клеймить денежный обмен как коррупцию всегда и везде? Во многих, если не всех, исследованиях о взятках в постсоветских обществах звучит — явно или скрыто — идея двойной морали — применительно ко всем видам обмена. Отношение местных жителей к обмену деньгами, товарами и услугами часто двойственное. Иногда они определяют эти сделки как правонарушение, когда рассуждают о коррупции на уровне государства. Сами же иногда относятся к этому как к выражению “благодарности” (особенно когда речь идет о медиках), без чего определенной категории людей (преимущественно врачам и педагогам) просто не выжить. Эта двойственность связана и с непосредственным значением слова “взятка” в русском языке (которое происходит от слова “взять, брать”). В английском языке это слово — *bribe* — с моральной точки зрения более уязвимое (так как означает еще и “подкуп”). Обычно слово “взятка” в повседневной жизни используется при описании действия кого-то другого; в то время как, рассказывая о себе, люди обычно говорят “сделать подарок” или “заинтересовать”. В некоторых случаях люди также не склонны употреблять это слово, поскольку, как утверждают многие, небольшие суммы врачу представляются скорее выражением благодарности, чем взяткой¹. В Украине слово “взятка” — теперь не табу, и люди готовы употреблять его, рассказывая о собственных действиях: “Я дал небольшую взятку, и все было улажено”. Однако в официальном дискурсе его избегают. Например, в телевизионном интервью по поводу новой администрации в январе 2005 года, после избрания Ющенко Президентом страны, харьковский губернатор объяснил свой уход с поста ссылкой на

¹ Отношение к этим способам обмена зависит от двух основных факторов. Один — это суммы денег, которые приходится платить: люди с большим пониманием относятся к скромным подношениям, чем к крупным суммам. Второй фактор — это взаимоотношения с человеком, предлагающим подарок. Когда опрашиваемые говорят о себе или близких знакомых, они, похоже, не осуждают морально сам акт дарения и солидарны с врачами; но когда речь идет о незнакомых врачах или незнакомых людях, охотнее говорят о “взятке” и утверждают, что Украина коррумпирована.

недружелюбное отношение новой администрации, которая, в отличие от старой, не предлагает им никаких “подарков”.

Чтобы распространить концепцию подарка на другие категории экономических трансакций, я собрал некоторые сведения, которые будут представлены далее. Речь пойдет о наиболее обсуждаемых местах работы в Украине: высшие учебные заведения, больницы и посты ГАИ.

Университетский “моральный кодекс”

Дмитрий — студент медицинского института в Одессе. Чтобы сдать экзамен, он “подарил” преподавателю 10 долларов. Светлана в той же ситуации предложила преподавателю бутылку коньяка после сдачи экзамена. В этом случае я утверждаю, что граница между коррупцией и дарением подарка настолько размыта, что далеко не всегда можно согласиться с мнением В.Папавы и Н.Хадурі [Papava, Khaduri, 1997] о том, что, говоря о коррупции в высших учебных заведениях России, нельзя делать “скидки”, поскольку это, по сути, поставит страну на колени¹. Действительно, использование должностных полномочий для личной выгоды (подарков — в денежном или товарном выражении), согласно Л.Палмеру, равнозначно коррупции как таковой. Но я хотел бы обсудить должностные обязанности преподавателя и его личную выгоду от подарка в особом контексте.

Михаил, преподаватель университета, рассказал следующее:

“Некоторые из моих коллег требуют деньги от студентов или подарки как неперемное условие для сдачи экзамена. Я согласен, что это достойно порицания и подрывает устои нашей страны. Но когда студент [который хвастается, что сдал таким образом несколько экзаменов] приходит ко мне и хочет сдать экзамен по моему предмету, мои доводы таковы: я знаю, что рано или поздно он сдаст; и я также знаю, что не его вина в том, что он обязан получить университетский диплом, чтобы впоследствии работать, поскольку в Украине неммыслимо получить работу, не имея университетского образования². В этом случае он сдаст экзамен; я же воспринимаю это как личное одолжение. В свою очередь, если

¹ Относительно того, что “поставит страну на колени”, я сейчас работаю над статьей, демонстрирующей, что неофициальные платежи не оказывают непоправимого влияния на качество преподавания или исследований в Украине.

² В Украине, как и во многих других постсоветских странах, наследие Советского Союза и его программ всеобщего образования превратило высшее образование в обязательное условие для того, чтобы получить работу в сфере умственного труда и даже выигрышное условие в сфере физического труда (иногда, чтобы работать в магазине, приходится конкурировать с теми, кто имеет университетский диплом). Все возрастающий спрос на высшее образование сталкивается с ожиданиями более высокой зарплаты со стороны преподавателей вузов. Согласно рыночным принципам, стоимость образования возросла, как и число поступающих: государственные университеты принимают все большее количество студентов, снижая барьеры приема, и появляется все больше частных университетов — иногда даже не получивших аккредитацию, где преподаватели получают так называемые смешанные зарплаты, а студенты вынуждены платить больше, чем в государственных университетах (по крайней мере, официально).

Средний уровень подготовки студентов государственных университетов снизился. Практически безграмотные и не проявляющие никакого интереса к учебе люди регуляр-

он предлагает бутылку спиртного или коробку шоколадных конфет, я не отказываюсь — это всего лишь благодарность за мои действия”.

Это рассказал один из работающих в государственном секторе; теоретически государство должно получать выгоду от этого работника. Однако этот человек зарабатывает 200 долларов в месяц с учебной нагрузкой 900 часов в год; причем он получает только за часы преподавания, но не за исследования, которыми занимается в “свободное от работы время”. Работа на такой должности означает, что тебя обеспечивает государство, но в данном случае этого не происходит: вы понимаете, что невозможно прокормить детей (их у него двое) и оплатить счета, имея 200-долларовый доход. Кроме того, сотрудники университета должны проводить научные исследования, принося тем самым пользу обществу. Но парадокс состоит в том, что государство, как уже упоминалось, не компенсирует в финансовом выражении время, потраченное на исследования.

Трудно представить этот обмен как классический пример обмена подарками по теории Мосса [Mauss, 1924], поскольку это не порождает каких-либо социальных связей¹. Маловероятно, чтобы между преподавателем и преподавателем или преподавателем и студентом установились какие-либо социальные взаимоотношения после подобной трансакции. Поскольку Мосс также говорил о сугубо экономическом обмене, в интерпретации преподавателя эта сделка состоит в том, что, принимая экзамен, он думает: “Ладно, парень, я понимаю, что ты не рожден для учебы в университете, но я также понимаю, что если ты не получишь университетский диплом, тебе будет чрезвычайно сложно найти работу. Я приму экзамен, чтобы не перекрыть тебе пути вступления в нормальную жизнь”. Студент, даря подарок после экзамена, рассуждает так: “Спасибо преподавателю, хотя я и не слишком интересуюсь его предметом. Но я понимаю, что если бы он жил на государственную зарплату, то наверняка бы умер с голоду, поэтому и хочу сделать подарок в ответ и предложить ему то, что он не в состоянии приобрести на свой скудный доход”.

Попытка теоретизации университетского обмена

Что происходит, если вместо товара предлагают деньги? Дж.Патико [Patico, 2002: p. 355] полагает, что существует четкое различие между предложением денег и “шоколада с коньяком”, поскольку в последнем случае имеет место “личностное” отношение к преподавателю. Однако Воннер [Wagner, 2005] утверждает, что иногда преподаватели относят шоколад обратно в магазин, чтобы получить за него деньги. Это неявным образом уменьшает различие между денежным обменом и предложением товаров потребления. С точки зрения закона, разница также невелика. Подношения — как в виде денег, так и в виде товаров — подлежат наказанию как коррупция, хотя различие

но зачисляются на учебу (поскольку обеспечивают доход университету, будь то государственному или частному). Это заставляет преподавателя выбирать: поставить студенту на экзамене удовлетворительную отметку и тем самым способствовать культурной деградации страны или же “срезать” его на экзамене и объясняться с деканом, после того как студента отчислят и он перестанет платить за учебу.

¹ Хотя дискурс Мосса касается материальных товаров, мы можем продолжить анализ, абстрагируясь и от товаров, и от услуг, принимая во внимание новые веяния в современных обществах.

обнаруживается на социально-культурном уровне. Выбор того или иного подношения часто определяется возрастом дарящего. Во времена Советского Союза некоторые вещи ценились больше, чем деньги, поэтому бутылка хорошего шампанского воспринималась более уважительно, чем небольшая сумма денег; помня те времена, люди старшего возраста поступят, скорее всего, в соответствии с советским культурным кодом; тогда как сегодня, при новом направлении потребления, эта тенденция изменилась, и молодежь действует уже в соответствии с “новым” кодом.

Следуя Кэтрин Воннер [Wagner, 2005], которая спрашивала, каким образом используется подарочный шоколад, я тоже спросил врача, что он делает со своими “подарками”. Он сказал, что коробки конфет идут на подарки медсестрам или на празднование дней рождения. И тут же предложил отвезти шоколада, происхождение которого не вызывало сомнений! То, когда и каким образом совершаются транзакции, также важно для нашего анализа, что демонстрирует пример, приведенный Юлией:

“Я преподавала в Академии... В день экзамена староста группы подошел ко мне и робко говорит: “Госпожа..., я собрал деньги за экзамен [?!]. Пожалуйста, вот они. Я никого не забыл, все уплатили поровну. Спасибо Вам за то, что работали с нами”¹.

Это не единственный путь получения денег в высшем учебном заведении; никто не отважился рассказать мне, как он получал подношение, но я собрал ряд интервью со студентами с описанием условий сдачи экзаменов. В некоторых случаях существуют расценки, определяемые преподавателем, и банкнота в зачетке позволяет получить ту или иную оценку в зависимости от уплаченной суммы. В других случаях достаточно посещать курс, чтобы получить минимальную оценку². Есть и промежуточные варианты. Одна из опрошенных — Катя — рассказала мне:

“Когда я была студенткой факультета психологии, существовало два способа сдать экзамен. Можно было выучить весь материал и сдать экзамен или же просто заплатить за это; откровенно говоря, так можно отличить студента, который хочет работать в данной сфере, от того, кто желает просто получить диплом, чтобы украсить свой кабинет. Вместе с тем я знаю нескольких успешных студентов, которые после окончания учебы кардинально изменили род занятий и открыли свой бизнес”.

При обсуждении с коллегами способов определения транзакции как коррумпции или как обмена подарками стоит упомянуть некоторые факторы. Во-первых, обращают внимание на регулярность таких действий; идет ли

¹ Практика получения “смешанных” доходов благодаря мелким подношениям является общепринятой и считается относительно моральной (в определенных пределах). Моя жена рассказывала, что во время консультации со своим врачом она упомянула о том, что работает преподавателем в университете. А врач спросил, дают ли ей студенты какие-нибудь взятки. Получив отрицательный ответ, прокомментировал: “Бедная девочка, даже студенты ничего не компенсируют. Нужно искать другую работу, где вам хотя бы будут делать небольшие подарки”.

² Число студентов, посещающих ваши лекции, может быть источником престижа в рамках кафедры. Конечно, чем больше, тем лучше, поэтому, как сообщил респондент, вы можете придерживаться политики ставить “удовлетворительно” только за то, что студенты посещают ваши лекции.

речь об обычной практике данного преподавателя или же он проделал это “всего” один раз или дважды. Есть люди с дурной репутацией, которые постоянно принимают подношения, тогда как другие — эпизодически. Еще одна особенность состоит в том, когда принимают подарок — до или после оказания услуги. Наконец, один из моих коллег дал определение, которое меня удовлетворило: “Если я что-то получаю, это подарок, а если требую — взятка”.

Я уже указывал [Polesse, 2006c], что наиболее частая причина подобных стратегий в сфере образования — слабая роль государства, выделяющего минимальные средства на образовательные институты (включая школы), а то и потакающего таким формам обмена с тем, чтобы не повышать зарплаты. Условия работы учителей и преподавателей вузов настолько плачевны, что провоцируют утечку мозгов из страны либо заставляют тех, кто остался, увеличивать свои доходы, работая одновременно на двух-трех работах, и выживать благодаря повседневной практике обмена подношениями (или же предметами потребления, что в данном случае не так уж важно) с другими слоями общества. С другой стороны, не создавая рабочих мест для тех, кто не имеет высшего образования, людей вынуждают поступать в вузы, удовлетворяя высокий спрос на университетское образование; таким образом, число поступающих, согласно старому закону рынка, будет возрастать. Но рост количества отнюдь не претворяется в качество. В результате: а) в среднем научная отдача каждого вуза становится все ниже; б) как грибы после дождя множатся университеты, чьи происхождение и методы преподавания неизвестны, а квалификация преподавателей — весьма сомнительна.

Чтобы еще глубже понять картину происходящего, предлагаю проанализировать еще одну “горячую точку”, наиболее коррумпированную, по мнению украинцев.

“Техники выживания” больницы

Друг получил травму во время футбольного матча. Нам пришлось пойти в больницу, чтобы узнать, что случилось с его глазом. Врач принял нас (это было после полуночи), осмотрел его, выписал лекарства. Уходя, мой тесть положил врачу в карман 20 грн, сказав “спасибо”. Как только мы пришли домой, моя жена спросила, заплатили ли мы за услугу. Вопрос можно перефразировать: дали ли мы врачу взятку за услугу? Поскольку медицинская помощь в Украине — как утверждает Конституция — бесплатная, можно объяснить происходящее как взятку, необходимую для того, чтобы получить медицинскую помощь. Несколько иную интерпретацию предлагает Лилия, врач:

“Я зарабатываю 600 грн в месяц (около 90 евро), из которых 100 уходит на налоги. Если кто-то приходит в больницу и нуждается в помощи, я ее окажу, но буду ждать, что этот человек меня отблагодарит. Я училась десять лет, чтобы получить это место. Пациенты получают профессиональную помощь. А мы не можем прожить на те деньги, которые получаем от государства”.

Она также поясняет, что не могла найти работу в Одессе, поскольку тамошний врач запросил у нее 3000 долларов, чтобы она могла получить это место. В конце концов ей удалось найти работу в Ильичевске (город в 30 минутах езды от Одессы), где она и работает в настоящее время.

Роды или какие-либо виды операций — это вообще отдельный разговор. Нормальной практикой считается найти врача, который, по мнению паци-

ента, обладает достаточными умениями и квалификацией, и “заинтересовать его”, чтобы он занимался вами. Большинство врачей принимают роды за определенную плату, и достаточно спросить, чтобы ее узнать. Однажды мне пришлось услышать разговор двух беременных женщин:

“Я хотела бы родить с помощью врача... но я еще не смогла собрать достаточную сумму денег, поэтому я не могу рассчитывать на помощь хорошего доктора. Ну что ж, в конце концов, приду и буду рожать. Вдруг мне поможет какой-нибудь незаинтересованный врач?”

Как полагают П.Гаал [Gaal, 2006] применительно к Венгрии и М.Лонкила [Lonkila, 1997] применительно к России, очевидно, существует общепринятое мнение, что без неофициальной оплаты вы не получите доступа к качественным услугам. Это же подтвердили слова моего родственника из Украины, когда я подыскивал для жены хорошую больницу в Германии: “... вы не найдете хорошей... пока не дадите взятку сестре, это все упростит”.

А если это государственный служащий?

Эти случаи, в особенности мелкие транзакции, следует пересмотреть, подобно тому, как это было показано на примере высших учебных заведений. Причиной, по которой я бы не хотел относить их к категории коррупции, является то, что государственный служащий в Украине не получает каких-либо реальных благ от государства. Поэтому я не могу их считать полноценными государственными служащими. Если государство не доплачивает своим работникам, есть два варианта: выйти из игры или увеличить свои доходы, вовлекаясь в круговорот зависимостей и обменов. Более того, эти транзакции зиждятся на квазиличностных основаниях, когда обе стороны имеют возможность обсудить, что и как давать. Врач принимает решение относительно вида услуг, руководствуясь своими возможностями (и совестью), а пациент предлагает нечто¹, в соответствии с условиями лечения и полученными услугами.

Это справедливо для мелких транзакций. Другое дело — серьезные операции — когда существующий у врача прецедент услуг на помощь при родах и другие услуги обезличивает сделку, поэтому “обязательства” оговариваются заранее². При этом взаимоотношения принимают форму устного контракта. Я бы скорее рассматривал эту транзакцию в терминах обмена на уровне примитивного общества, нежели как коррупцию. Государство, не способное выполнять свою роль, то есть обеспечивать защиту и безопасность граждан, не существует; или же существует в теории, но отсутствует на практике. В отсутствие государства социальные функции лишаются своего содержания; единственная обязанность врача — “отработать” как минимум те рабочие часы, которые предполагает его жалование в 90/200 евро, не причинив при

¹ Даже если вас принуждают платить, вы можете не платить. Один опрашиваемый рассказал, что его просили заплатить за анализ крови. Сначала он возражал, мотивируя тем, что медицинское обслуживание в Украине бесплатное, затем тем, что у него нет денег до зарплаты (что соответствовало действительности). В результате он не заплатил. Но анализы, неожиданно для него самого, были сделаны, и он получил бесплатное медицинское обслуживание, как и указано в Конституции Украины.

² Нормальная практика — предварительное согласование цены между врачом и пациентом. Затем врач может потребовать предоплату или “поверить” пациенту.

этом вреда пациентам. Кроме того, различные цены, устанавливаемые врачами, можно представить как функцию их престижа и компетенции, так что можно даже построить график “спроса–предложения”. Более востребованные медики и стоят дороже, согласно законам рыночной экономики. Результатом всего этого является то, что в Украине *de facto* все больницы стали частными. Пациенты платят за то, что получают: когда женщина записывается у врача для оказания медицинской помощи при родах, ее могут попросить купить ручку, несколько блокнотов и черный маркер, чтобы фиксировать состояние ее здоровья, поскольку в больнице даже этих вещей может не быть, ибо бюджетом не предусмотрены подобные затраты. Побочный эффект состоит в том, что невозможно затребовать компенсацию от страховой компании (что возможно на Западе), поскольку квитанции на подобные трансакции никто не выписывает. Подобным образом врачи не платят налоги со своих доходов и вряд ли готовы вкладывать “свои” деньги в покупку оборудования для больниц — хотя это помогло бы им в работе. Но все могло бы быть по-другому, если бы пациенты, поступая в больницу, платили официально.

Трансакция, о которой шла речь ранее, — “заплати мне, и ты получишь здесь работу” — единственная, которая попадает в категорию коррупции в рамках нашей теории, поскольку она наносит вред обществу ради чьей-то личной выгоды: выбор будущего врача на основании денег, которые он заплатит, а не в соответствии с его компетенцией, приводит к нарушениям в работе системы, а именно к тому, что на рабочем месте окажется врач, который может причинить вред своим пациентам.

“Милицонер тоже человек”

Машину Марии остановил сотрудник ГАИ, потому что она проехала перекресток на красный свет. Мария положила 10 грн в “права” и отдала их ему. После этого она могла спокойно ехать дальше. Смысл подобной сделки вполне ясен. Однако стоит рассказать и такой случай.

Сергей едет домой, и его машину останавливают для контроля. После проверки документов на машину сотрудник ГАИ просит показать разрешение ездить на газовом топливе. Проверив разрешение, милиционер говорит, что штамп об этом разрешении не проставлен в техпаспорте автомобиля, поэтому Сергей должен уплатить штраф в соответствии с законом. Технический паспорт — это ламинированный документ, в котором невозможно (не говоря уже о том, что незаконно) что-либо написать после даты выпуска автомобиля. Напомнив это постовому, Сергей записывает его имя и говорит, что сообщит об этом случае в компетентные органы. Реакция милиционера оказывается неожиданной. Он кричит: “Да если бы моя зарплата была в пять раз выше, я никогда бы не останавливал таких, как Вы”. Сергей спрашивает, сколько стоит его совесть, то есть сколько денег он хотел бы получить, чтобы позволить водителю ехать дальше. Поскольку его имя уже записано, постовой ничего не отвечает, но теперь уже пытается обвинить Сергея “в вождении в нетрезвом состоянии”¹.

¹ В конечном счете Сергей смирился с ситуацией, ничего не заплатил и ушел домой цел и невредим (чтобы успокоить читателя).

К.Хемфри [Humphrey, 2002: p. 143–145] правильно называет большинство таких случаев — когда милиционер останавливает машину, берет деньги у водителя и отпускает его, независимо от нарушения — “данью”, подтверждающей положение милиционера как человека, который управляет улицей. Вместе с тем важно признать, что ситуация на самом деле сложнее, поскольку подобные платежи не всегда взимаются в Украине, и в некоторых случаях водитель оказывается свободным от финансовых обязательств. Во-первых, есть ряд способов переговорить с сотрудником ГАИ. Опрашиваемые рассказывают, как им удавалось избежать столкновения с законом с помощью таких магических фраз, как: “У меня вообще нет денег” или “У меня в машине иностранец, и мы опаздываем”. К тому же водитель может избежать поборов, если милиционер по каким-то причинам отнесется к нему с сочувствием: один из опрошенных несколько раз выходил сухим из воды, показав упаковку памперсов и объяснив, что ездил в ближайшую аптеку, так как ребенок очень болен. У сотрудника ГАИ тоже могут быть дети. А один из эпизодов был для меня особенно показательным. Я работал переводчиком иностранной делегации во время парламентских выборов в Украине в 2006 году. Дорожно-патрульная служба остановила нашу машину, и я предложил Мише, водителю обычного старого авто, — чтобы делегация показала свои дипломатические карточки. Водитель отказался и добавил: “Документы у меня в порядке, они ничего мне не сделают”.

Так каковы же все-таки правила? Когда нужно платить постовому ГАИ? До какой степени схожи эти случаи? По большей части милиционеры ожидают какого-либо “вознаграждения” в результате своих действий, но водители реагируют по-разному. Для полноты картины стоит упомянуть, что средняя зарплата милиционера колеблется в пределах между 600 и 1000 грн. Он никак не может прожить на такие деньги. В отличие от преподавателя университета, у него нет возможности распоряжаться собственным временем и работать еще на двух-трех работах. Более того, как мне сообщили, милиционеры зависят от своих начальников, которые требуют представить определенную сумму “выручки” в месяц. В противном случае “недостачу” следует восполнить товарами или выполнением какой-то работы¹. Поэтому им приходится выжидать в определенных “стратегических” точках, где можно остановить машину с нетрезвым водителем и постараться выручить как можно больше денег. Таким образом они пополняют и доходы своей семьи. Это может объяснить мотивацию их поведения. Тем не менее я все равно попытаюсь доказать, что некоторые подобного рода транзакции можно не считать взятками.

Сотрудник ГАИ, в соответствии с его обязанностями, должен останавливать водителей, нарушающих правила дорожного движения, — так же, как врач должен лечить пациентов. Остановка машины в первом случае вполне законна, тогда как при обычной проверке мы не можем полагаться на честность милиционера. Водитель, которого остановили, оказывается перед вы-

¹ Как рассказал информант, предполагается, что милиционеры должны приносить определенные суммы денег своим начальникам. В противном случае их могут использовать как чернорабочих. К примеру, если начальник строит дачу [загородный дом], их могут попросить обеспечить строительство кирпичом, другими материалами или даже работать там в свои рабочие часы. Эта информация относится к периоду нахождения у власти Кучмы. Хотя мне говорили, что при Ющенко в милиции не наблюдалось такой жадности, конкретной информации на этот счет я не имею.

бором — уплатить “штраф” наличными и уехать через две минуты или же ввязаться в затяжную бюрократическую процедуру, которая может длиться месяцами. Между этими случаями и ранее упомянутыми (университет и больница) есть два существенных отличия: первое — трансакция происходит в обратном порядке (компенсация до, а не после “услуги”); второе — к врачу или преподавателю мы испытываем больше симпатии, чем к тому, кто взимает штрафы. Сделку с участием водителя и милиционера можно было бы истолковать следующим образом: первый получает “прибавку” к жалованию, второй — избавляется от бюрократических проволочек, а общество выигрывает в том, что водитель может запомнить, что закон следует уважать и тогда можно будет избежать подобных последствий¹. Единственный, кто оказывается в проигрыше, — это государство, которое не играет никакой роли и не может платить своим гражданам соответствующим образом, — оно не может получить своей компенсации от трансакции, которой “никогда не было”.

Природа этих платежей достаточно сложна, но все-таки ближе к “добровольному предложению” или пусть не всегда спонтанному и не всеми приветствуемому акту солидарности, чем к дани или взятке. Тем не менее трудно классифицировать эту трансакцию как сугубо обмен подарками, поскольку добровольность подарка все-таки отсутствует. Хотя есть аргумент и в пользу сходства с подарком, как в случае с офицером патрульной службы [Polese, 2006a], — дескать, его экономическое положение ближе к положению других людей, зависимых от общества. Однако это сводит на нет функцию государства как такового, поскольку оно оказывается неспособным даже прокормить своих подчиненных. Поведение же индивида не очень связано с подарком, который он получает (см. примеры с университетом и больницей).

Кто может порицать “взятничество”?

Будучи разными по времени, пространству и модальности, все три вышеупомянутые ситуации имеют и некоторые общие моменты. Во-первых, они присущи экономике переходного периода, как в случае с Украиной. На Западе существуют другие пути извлечения выгоды из своего положения и другие степени риска. Как заметил М.Бови [Bovi, 2003], экономическое мошенничество по отношению к государству происходит тогда, когда гражданин не видит преимуществ в игре по правилам. Например, если государство не может поощрять налогоплательщиков, зачем работать в открытую, вместо того, чтобы оставаться “в тени”? Во-вторых, все описанные трансакции наказуемы законом и классифицируются как коррупция. Украинская юриспруденция уточняет, что деньги или компенсация (вознаграждение) могут быть уплачены до или после сделки, но это не влияет на ее криминальную природу. В-третьих, все эти трансакции наносят ущерб экономике, поскольку создают несправедливое распределение доходов. Если деньги получены законным путем, то доход декларируется и последующий налог приносит пользу населению, а не только тому, кто получил эти деньги.

Исходя из западной логики — когда государство функционирует и может использовать эти дополнительные доходы для блага своих граждан —

¹ Я ограничу обсуждение случаем гражданского права. Когда водитель нарушает Уголовный кодекс, можно ли свести это дело к уплате определенной суммы наличными, не знаю.

вполне понятно, что во многих докладах речь идет о коррупции в Украине, полностью охватившей страну и подрывающей ее экономику. Однако не является ли этот вывод проявлением западного этноцентризма? Какой врач согласится работать в государственном медицинском учреждении, а преподаватель — в государственном вузе исключительно за такую заработную плату? Употреблять слово “коррупция” по отношению к выражению благодарности врачу со стороны пациента — значит не принимать во внимание сегодняшние реалии украинской жизни. Таким образом, я не могу согласиться с точкой зрения П.Темпла и Г.Петрова [Temple, Petrov, 2004] и утверждаю, что практика “ты мне — я тебе” позволила этому обществу выжить при существующей экономической и бюджетной политике, которая упорно игнорирует нужды больниц, школ, высших учебных заведений и учреждений исполнительной власти.

Между подарком и взяткой

Различие между взяткой и подарком оказывается гораздо сложнее, чем представлялось в начале статьи. Мы можем рассмотреть три основные характеристики подарка: обоюдность, добровольность и неотчуждаемость подарка как социального факта начала взаимоотношений. М.Мосс отстаивал идею обоюдности подарка, но эта обоюдность может поддерживаться различными путями. В некоторых случаях [Tanzi, 1991] это ассоциируется с дачей взятки. В литературе о взяточничестве в бывшем Советском Союзе различаются долгосрочные экономические взаимоотношения [Леденева, 1998], называемые “блатом”, и транзакции, имеющие характер непосредственной обоюдности взятки — *do ut das*. Но такая модель не в состоянии оценить значение частично добровольного экономического обмена, который нацелен на личную выгоду и который трудно классифицировать исключительно как взятку или же как подарок.

Добровольность тесно связана с обоюдностью. Мы не можем знать, когда нам собираются предложить подарок, но ответное действие чаще всего ожидаемо. Во всяком случае, можно сказать, что имеем дело с подарком, когда ответное действие ожидается, но его не требуют. Если же выдвигается требование, то теряется характер добровольности. Хотя в некоторых случаях загадка подарка может оказаться загадкой взятки. Не всегда ожидаются неофициальные платежи и в больницах, и в университетах, и на постах ГАИ, и человек должен научиться различать, когда и как платить (и платить ли вообще). В этом отношении я собрал столько же случаев платных консультаций, сколько и бесплатных.

Таким образом, имея дело с коррупцией и подарком, следует обратить внимание на: а) анализ присущих данной местности концепций морали и подарка; б) размытость границы между взяткой и подарком и существование “переходной зоны” между ними, которая может вмещать некоторые разнородные явления. Если же это так, то категорий подарка и взятки недостаточно для объяснения сложности экономических отношений в современном переходном обществе. Чтобы лучше понимать украинское восприятие этих платежей, я предлагаю считать и подарок, и взятку проявлениями одного феномена — экономического и социального взаимодействия людей. Разграничивая эти два явления, мы можем считать подарок и взятку двумя точками одного отрезка. Двигаясь слева (подарок, добровольный, свободный от взаим-

ных обязательств) направо (взятка, лишённая добровольности и предполагающая взаимные обязательства), мы можем обнаружить разные способы обмена, не являющиеся ни подарком в чистом виде, ни сугубо взяткой. Но все же некоторые общие черты подарка и взятки мы можем назвать полуподарком-полувзяткой (*briфт*, или *half bribe half gift*). Тогда подарок слева направо может выглядеть так: подарок — полуподарок-полувзятка (обмен) в больнице — полуподарок-полувзятка (обмен) в университете — полуподарок-полувзятка (обмен) на посту дорожно-патрульной службы (взятка).

Заключение

Экономические транзакции, как бы мы их ни называли, лежат в основе украинского общества и экономики. В некоторых случаях, и с этим согласны большинство ученых, они причиняют ущерб социальным и экономическим структурам страны; в других случаях их можно рассматривать как “помощь” социально-экономической системе, которая даже не гарантирует распределения благ и сама нуждается в “помощи”. Практически вся экономическая жизнь пронизана социальными сетями и разными видами неофициального обмена, что, как и в советские времена, ни для кого не является сюрпризом. А все практики, сформировавшиеся при СССР, невозможно вычеркнуть из зарождающейся рыночной экономики. Тем не менее мы не можем оставлять без внимания особенности, свойственные украинской культуре и обществу, и применять универсальное определение коррупции, которое бы нивелировало некоторые местные традиции социально-экономического взаимодействия. К примеру, одна из моих коллег согласилась прочесть очень интересную лекцию в субботу; после лекции ей подарили цветы. Дарить цветы в Украине общепринято — как мужчине, так и женщине — но согласно закону и морали, привнесенной извне, этот акт считается незаконным.

Впечатление от Украины таково, что сегодняшнее понимание коррупции — со стороны властей или согласно отчетам западных специалистов — настолько широко, что охватывает большинство аспектов социальной жизни. Неспособность сконцентрироваться на некоторых существенных явлениях и, таким образом, сосредоточиться на том, как действительно стоит направить энергию и средства правительства, чтобы достичь результата, означает риск пойти против социально-экономических структур страны. Если помешать врачам принимать подарки при столь низких зарплатах, это скорее не искоренит коррупцию, а подтолкнет лучших специалистов к тому, что они не будут выполнять свои социальные функции при все ухудшающихся, уже почти бедственных условиях лечения в больницах. Таким образом, коррупция требует нового определения — по крайней мере, для тех случаев, когда она помогает людям выживать.

Литература

Bovi M. (2003), ‘The Nature of the Underground Economy-Some Evidence from OECD Countries’, *JИИДТ*, no. 7: 60–70.

Fogarty P. (2005), “‘We all do it and we all think it’s bad’: Discourses and Practices of Corruption in Moldova”, paper presented at the Workshop: Emerging Citizenship and Contested Identities between the Dniester, Prut and Danube Rivers, 10 and 11 March, Max Planck Institute for Social Anthropology.

- Gaal P.* (2006), 'Gift, Fee or Bribe? Informal Payments in Hungary' // Transparency International Report 2006: 71–74.
- Geertz C.* (1973), *The Interpretation of Cultures*. — New York: Basic Books.
- Gerard M.* (1998), 'Essai sur le don' in *Humanités Modernes* 113 : 67–72.
- Harrison G.* (1999) 'Corruption, development theory and the boundaries of social change', *Contemporary Politics* 5 no. 3: 207–220.
- Humphrey C.* (2002), *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism* (Ithaca, NY: Cornell University Press).
- Ledeneva A.* (1998), *Russia's Economy of Favours: "Blat", Networking and Informal Exchange* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Lonkila M.* (1997), 'Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective', *Sociological Research Online* 2 no. 3. — www.socresonline.org.uk/socresonline/2/2/9.html
- Mauss M.* [1924] (1990). 'The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies' (London: Routledge).
- Miller W.L., Ase B. Grodeland and Tatyana Y. Koshechkina* (2000), 'Victims or Accomplices? Extortion and bribery in Eastern Europe', in *Ledeneva, A. And Kurkchian, M. (eds.), Economic Crime in Russia* (London: Kluwer Law International): 113–128.
- Palmer L.* (1983) 'Bureaucratic Corruption and its Remedies' / *Clark, Michael (ed.) Corruption: Causes, Consequences and Control*. — New York: St. Martin's Press.
- Papava V., Khaduri N.* (1997). 'On the Shadow Political Economy of the Post Communist Transformation, an Institutional Analysis', *Problems of Economic Transitions* 40, no. 6: 15–34.
- Parry J.* (1986), 'The Gift, the Indian Gift and the "Indian Gift"', *Man* 21: 453–473.
- Parry J., Bloch M.* (eds). (1989), *Money and the Morality of Exchange* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Patino J.* (2002), 'Chocolate and Cognac: Gifts and the Recognition of Social Worlds in Post-Soviet Russia', *Ethnos* 67, no. 3: 345–368.
- Patino J.* (2003), 'Consuming the West but Becoming Third World: Food Import and the Experience of Russianness' *Anthropology of Eastern Europe Review* 21, no. 1.
- Polese A.* (2006a), 'Border Crossing as a Daily Strategy of Post Soviet Survival: the Odessa-Chisinau Elektrichka', *Eastern European Anthropology Review* 24 no.1: 28–37.
- Polese A.* (2006b), 'The Good Samaritan' in *Adam Jones (ed.), Man of the Global South: a Reader* (London: Zed Books): 113–118.
- Polese A.* (2006c), 'Paying for a Free Education', *Transitions Online* (8 August).
- Rasanayagam J.* (2003), 'Market, State and Community in Uzbekistan: Reworking the Concept of the Informal Economy', *Max Planck Working Papers* no. 59.
- Srubar I.* (1991), 'War der Reale Sozialismus Modern?' *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 43, no. 3: 415–432.
- Stepanenko V.* (2006) 'Civil Society in Post-Soviet Ukraine: Civic Ethos in the Framework of Corrupted Sociality?' *East European Politics and Society* 20(4): 1–27.
- Tanzi V.* (1998), 'Corruption Around the World: Causes, Consequences, Scopes and Cures', *IMF Working Paper* (Washington DC: International Monetary Fund).
- Temple P., Petrov G.* (2004). 'Corruption in Higher Education: Some Findings from the States of the Former Soviet Union'. *Higher Education Management and Policy* 16, no. 1: 83–99.
- Thomas N.* (1991), *Entangled Objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press).
- Wanner C.* (2005), 'Money, Morality and New Forms of Exchange in Postsocialist Ukraine' *Ethnos* 70 no. 4: 515–537.
- Werner C.A.* (2002), 'Gifts, Bribes and Development in Post-Soviet Kazakhstan' // *Jeffrey H. Cohen and Norbert Dannhaeuser (eds.) Economic Development: an Anthropological Approach* (Walnut Creek, Lanham, New York, Oxford: Altamira Press): 183–208.

Перевод с английского ОЛЬГИ МАКСИМЕНКО